

Первая Мила была собака. Бедлингтон-терьер. Проще, когда знаешь такие вещи. Мне ничуть не обидно, что меня назвали в честь собаки. Я даже могу в точности представить, как все было. *Мила*, говорит мой отец, вот хорошее имя. И не помнит, откуда оно. Зато мама вспоминает собаку и спрашивает: ты уверен? И когда он не отвечает, говорит: ладно. Мила. Потом смотрит на меня и думает: Мила, моя Мила.

Я не верю в реинкарнацию. Вряд ли я унаследовала душу прадедовской собаки, которая давным-давно умерла. Но кое-что наводит на размышления. Мила пришла в голову моему отцу в то утро, когда я родилась. Чистое совпадение? Глядя на свою новорожденную дочь, он сразу подумал о собаке Миле. Почему?

Мы с папой готовились к поездке в Нью-Йорк — навестить его давнего друга. Но вчера все поменялось. Жена друга позвонила и сказала, что он ушел из дома.

Ушел из дома? — спрашивает Джил. В каком смысле?

Исчез, говорит она. Ни записки, ничего.

Джил в недоумении. Ничего?

Вы же все равно приедете? — спрашивает жена.

И когда Джил на мгновение задумывается, она говорит: пожалуйста.

Да, конечно, говорит Джил, и медленно кладет трубку.

Он вернется, говорит Джил Марике. Просто захотел немного побыть один, подумать. Ты же его знаешь.

Но почему сейчас? Мама не может понять. Он же знал, что вы приедете. Время он выбрал странное.

Джил пожимает плечами. Завтра утром он вернется домой. Уверен, вернется.

Марика хмыкает, будто сомневается. Я сижу на корточках, и отсюда не видно ее лица. А как же Мила? — говорит она.

Вот что мне известно: сейчас пасхальные каникулы, в школу я не хожу. Мама всю неделю будет работать в Голландии. Остаться дома одной мне нельзя. Папа живет в своей голове, и ему лучше не путешествовать одному — иначе он собьется с пути. Билеты куплены два месяца назад.

Мы все равно поедем.

Мне нравится с папой, мы хорошие напарники. Как и собака Мила, моя тетка, я всегда четко осознаю, где я и что делаю. Я не подвержена меч-

тательности и упорна, почти как терьер. Я первой замечу все, что стоит заметить.

Я хорошо разгадываю загадки.

Я уже почти собралась, когда в комнату заходит Марика и говорит: они с Джилом решили, что я все равно поеду. Мысленно я уже раскладываю улики, обдумываю варианты и нащупываю теорию.

Когда-то в далеком прошлом я видела папиного друга, но ничего не помню. В нашей семье он легенда, потому что однажды спас Джилу жизнь. Без Мэттью не было бы меня. И я благодарна ему, хотя так и не смогу сказать спасибо.

Кажется, будто мы уехали из Лондона так давно. Тогда я еще была ребенком.

Формально я все еще ребенок.

О собаке Миле я знаю не много. Она принадлежала моему прадеду, когда он мальчишкой рос в Ланкашире, и таких собак держали от крыс, а не для любви. У папы остался с детства альбом с фотографиями, на которых изображены незнакомые мне люди. Там же я нашла старый снимок с Милой. Собака на фотографии сидит наизготове, будто хочет выбежать из кадра. Меня очень интересует человек по ту сторону фотоаппарата. Это мог быть мой прадед, мальчик, так гордившийся своей собакой-крысоловом, что хранил ее снимок. Теперь многие фотографируют своих питомцев, но было ли это принято в те времена? Мила смотрит прямо перед собой. Если собака принадлежит фотографу, почему она не обернулась посмотреть на него?

Этот снимок навевает глубокую тоску. *Suadade*, как сказал бы Джил. По-португальски. Тоска по тому, что ты любил и потерял, тому, что ушло и теперь недостижимо.

Не могу объяснить, почему мне так грустно

от этого фото. Собака Мила мертва уже восемьдесят лет.

Моего папу все зовут Джил. Его друг детства ушел из дома, оставив жену и ребенка. Никто не знает, почему и куда. Жена Мэттью позвонила Джилу узнать, не поменялись ли наши планы. Вдруг он уже слышал.

Нет, не слышал. Тогда еще нет.

До аэропорта мы поедem на поезде и нужно не забыть паспорта. Марика целует меня и просит беречь себя, потом улыбается и спрашивает: справишься? — и я киваю, потому что справлюсь. Взглянув на Джилу, она говорит: заботься о папе. Она знает: я хорошо позабочусь о нем. Возраст не всегда показатель компетентности.

Двери поезда закрываются, а мы машем на прощание. Я усаживаюсь рядом с папой и вдыхаю запах его пиджака. Он пахнет книгами, чернилами, старым кофе, задвинутым на край стола, и шерстью плюс слегка одеколоном, который раньше покупала Марика, но папа не пользовался им много лет. Запах Джилу такой родной, что его не описать. Как ни странно, не все могут опознать человека по запаху. Марика говорит, что это делает меня по крайней мере наполовину собакой.

Я не раз видела, как собаки обнюхивают друг друга и людей на улице или дома. Они пытаются нарисовать полную картину, сопоставив улики: где ты был? Там были кошки? Ты ел мясо? Ага. Значит, костер. Грязь. Лимоны.

Если бы я была собакой и учуяла запах книг, кофе и чернил в шерстяном пиджаке с вкраплением твида, вряд ли я подумала бы: *этот человек переводит книги*. Но именно этим он и занимается.

Никогда не могла понять, зачем человечеству столько языков. Это все только усложняет. *Зато так интереснее*, говорит Джил.

Сегодня мы едем в Америку, где дополнительные языки нам не понадобятся. Джил треплет меня по голове, но на самом деле он не замечает, что я сижу рядом. Он погружен в книгу, переведенную коллегой. Иногда он кивает.

Мама играет в оркестре на скрипке. Когда пора репетировать, она говорит: пойду поскриплю — и закрывает дверь. Завтра она уезжает в Голландию.

Я прищуриваюсь и концентрируюсь на точке вдалеке. Я чуткая, быстрая и верная. Из меня бы вышел хороший крысолов.

Suadade. Интересно, Джил чувствует *suadade* по своему пропавшему другу? Если и так, виду он не показывает.

Марика из Швеции. Мама Джила была португало-француженкой. Чтобы отследить все национальности в моей семье, без схем не обойтись, но это не страшно. Беспородные всегда хитрее, здоровее и не страдают от дисплазии суставов и преждевременной деменции.

Когда я родилась, моим родителям было за сорок, но я не считаю их старыми, а они не считают меня маленькой. Мы — это просто мы.

Все-таки странно, что друг Джила ушел из дома, как раз когда мы собирались приехать в гости. В полиции не считают, что его убили или похитили. Я могу представить, как однажды Джил вышел бы за порог и забыл вернуться, но связь с Марикой и со мной притянула бы его обратно. Может быть, у Мэттью эти связи слабее.

Хоть они и лучшие друзья, Джил и Мэттью не виделись восемь лет. Поэтому вдвойне странно, что он исчез именно сейчас. Это по крайней мере невежливо.

Мне хочется поскорее увидеть его жену и начать разбираться, что же произошло. Может, поэтому Джил и взял меня с собой. Я уже говорила, что хорошо разгадываю загадки?

Дважды проверять паспорта незачем: они надежно спрятаны во внутреннем кармане моей сумки, чтобы сразу достать их на паспортном контроле. Джил опустил книгу и смотрит на что-то у себя в голове.

Как ты думаешь, куда отправился Мэттью? — спрашиваю я.

Несколько секунд, и он возвращается в реальность, вздыхает и кладет руку мне на колено. Не знаю, милая.

Как думаешь, мы его найдем?

Он задумывается и говорит: Мэттью и в детстве был скитальцем.

Я жду, что еще Джил скажет о друге, но он молчит. Мысленно он продолжает говорить. В его глазах пробегают целые предложения. Мне их не прочитывать.

Что? — говорю я.

Что — «что»? — он улыбается.

О чем ты думаешь?

Да так, ни о чем. О своем детстве. Я знал Мэттью как самого себя. До сих пор представляю его мальчиком, хотя он уже довольно старей.

Он твой ровесник, говорю я немного возмущенно.

Да. Он смеется и прижимает меня поближе. История из прошлого Джила.

Им с Мэттью двадцать два. Они едут во Францию автостопом на грузовике и почти без денег. Потом через Францию в Швейцарию, чтобы забраться на Лаутерархорн. Из них двоих только Мэттью настоящий альпинист. Все идет по плану, пока на второй день температура не начинает подниматься. Погода для лавин. Со всех сторон их окружают снежные и ледяные обвалы. К вечеру опускается туман, оборачивая горы плащом. Они закапываются в снег в надежде, что погода переменится. Около полуночи поднимается ветер, и дождь превращается в снег.

Я тысячу раз пыталась представить эту сцену. Первая опасность — обморожение; вторая — высота. Ночью, среди тьмы, холода, ветра и снега Мэттью замечает в друге первые признаки болезни и просит его спускаться. Джил отказывается. Время идет. Ничего не соображая, уже в полубреду, Джил кричит и отталкивает Мэттью. Наконец он затихает, изможденный борьбой и разреженным воздухом, и хочет только одного: сесть и заснуть в снегу. Умереть.

Следующие одиннадцать часов Мэттью уговаривает, умоляет Джила идти и тащит его с гор. Снова и снова он повторяет, что лечь в снег нельзя. Надо идти вопреки всему.

Когда они в безопасности, Джил клянется никогда больше не лезть в горы.

А Мэттью?

Мэттью обожал это дело, говорит Джил.

Он спас тебе жизнь.

Джил кивает.

Мы оба замолкаем, а я думаю: *и все же*.

И все же. Если бы не Мэттью, жизнь Джила не надо было бы спасать.

Любитель риска и его жертва.

Учитывая, как обернулась эта поездка, мне кажется, будто мы вроде как призваны восстановить вселенскую справедливость — помочь Мэттью, которого никогда прежде не нужно было спасать.

Может быть, наша миссия — уравновесить поток энергии в мире.

Мы приезжаем в аэропорт. Джил берет наши сумки, и мы выходим из поезда. Когда мы поднимаемся на эскалаторе, ему приходит эсэмэска.

Папа передает телефон мне, потому что не очень управляется с сообщениями, и я показываю ему: **По-прежнему ничего**, и подпись: **Сюзанна**. Жена Мэттью.

Мы переглядываемся.

Пошли, говорит он, кладет наши сумки на тележку, и мы пускаемся полубегом к терминалу — чуть ли не за целую милю. На регистрации я прошу место у окна — Джил не привередлив. После вопросов про бомбы и острые предметы мы проверяем, нет ли в ручной клади жидкостей, берем посадочные талоны и встаем в длинную очередь на международные рейсы. Чтобы скоротать время, я разглядываю людей и пытаюсь угадать, кто откуда и кем кому приходится. У американцев более открытые лица.

Это значит, что с ними проще общаться или сложнее? Пока я не знаю.

Джил покупает в дьюти-фри газету и бутылку виски, и когда мы подходим к выходу на посадку и заходим в самолет, я все еще думаю про ту ночь на горе. Каково это — час за часом сквозь мороз, снег и тьму тащить на себе ничего не соображающего человека размеров Джила?

Может, у него и есть другие недостатки, у этого друга, но упорства ему не занимать.

В Нью-Йорке Сюзанна встречает нас в зоне при-
бытия. Мы уставшие и помятые. Она уже замети-
ла Джилу, но он копается в телефоне, и я пихаю
его в бок и показываю на нее. Сюзанна не ста-
рая, но вид у нее увядший, как будто ее забыли
полить. Рядом стоит коляска, и в ней, несмотря
на шум и суету, спит ребенок в голубой полоса-
той шапочке. Его ручки торчат в стороны из-под
стеганого одеяла.

Джил целует ее со словами: мы так давно не
виделись. Потом заглядывает в коляску к ребен-
ку. Привет, говорит он.

Это Габриэль, говорит Сюзанна.

Привет, Габриэль, отвечает Джил.

Габриэль жмурится, но не просыпается.

И Мила, говорит Сюзанна. Ты так измени-
лась.

Это в смысле с тех пор, как мне было четы-
ре, когда мы были у них последний раз. Тог-
да-то я и познакомилась со старшим братом
Габриэля, Оуэном. Ему было семь. Я плохо его

помню, хотя на одной фотографии Джила мы держимся за руки.

Я подношу палец к кулачку Габриэля, он разжимает его и хватается за меня, даже не просясь. Хватка у него сильная.

Жаль, что так все получилось, говорит она и качает головой. Поездка у вас выходит не очень веселая. Она поворачивается к Джилу. Пойдем. Поговорим в машине.

Машина шумит, а они говорят так тихо, что большую часть разговора я не слышу. Габриэль со мной на заднем сиденье, он крепко спит в своем кресле. Иногда он открывает глаза, потягивается, дергает ножкой, но не просыпается. Я опять подсовываю палец ему в кулачок и слышу, как Сюзанна говорит: что ж, надеюсь, ты принял правильное решение. По ее тону сразу ясно, что решение он принял совсем не правильное, и я уверена: речь о том, что он взял меня с собой.

Начинается дождь.

Я засыпаю в машине под ритмичные взмахи дворников и тихое гудение голосов Джила с Сюзанной. Обычно я бы настроилась на волну разговора, но сейчас я слишком устала, чтобы вслушиваться. Габриэль все еще держит меня за палец.

Когда я просыпаюсь, уже темно. Дорога тихая, узкая, почти пустынная; дождь перестал. Я не говорю ни слова, только смотрю в окно на лес, в надежде увидеть горящие глаза оленя

или медведя. Джил и Сюзанна больше не разговаривают, и машина наполняется мыслями. Мысли Сюзанны слышно на удивление ясно; мысли Джила – приглушенные и тихие. Джил наверняка думает о Мэттью. У меня, у Джила, у Сюзанны в голове крутится эта загадка. Куда он делся? И почему?

Мысли Сюзанны похожи на заевший диск.
Черт-черт-черт-черт.

Вот что мне пока известно: Сюзанна и Мэттью преподают в городе в университете. Мэттью пропал пять дней назад, на восьмом месяце учебного года, четырнадцать месяцев спустя после рождения Габриэля. Он ничего не взял с собой: ни сменной одежды, ни паспорта, ни денег. Просто ушел на работу утром, попрощался, как обычно, и так и не явился в аудиторию на лекцию.

Сам побег не кажется мне таким уж странным. Почти всех нас, как правило, удерживает на месте своего рода центростремительная сила. Если по какой-то причине тяга ослабеет, мы все можем разлететься в разные стороны. Но вот то, что он не вернулся? Не возвращаться страшно и больно. И как можно бросить ребенка? Даже мне это кажется крайностью, каким-то сбоем в любви.

Я думаю изо всех сил. Что должен испытывать человек, если побег кажется ему единственным выходом?

Вот что мне приходит в голову:

- а.** Отчаяние (из-за чего?).
- в.** Страх (чего?).
- с.** Гнев (на кого?).

Я почти ничего не знаю о Мэттью и Сюзанне. Когда мы приедем, я постараюсь выяснить, что к чему. Найти ответы можно всегда. Иногда правильным ответом оказывается:

- д.** Все вышеперечисленное.

5

Когда Джил сказал мне, что Мэттью с Сюзанной живут в деревянном доме к северу от Нью-Йорка, я представила бревенчатую избушку с дымоком из каменной трубы, кресло-качалку на крыльце и кур во дворе. Но их дом совсем другой. Я пыталась как можно дольше хранить в голове первоначальный образ, но он тут же исчез, стоило мне увидеть дом вживую. В действительности он не только не похож на бревенчатую избушку — он вообще не похож на нормальный дом. Представь себе огромный куб, каждая плоскость которого разделена на четыре стеклянных квадрата. Пятый квадрат сверху — деревянная крыша, расположенная под углом, чтобы сходили снег и дождь.

Дом стоит среди деревьев, и кругом не види других построек. Уходя, Сюзанна оставила зажженным свет. Мы паркуемся. Дом похож на великолепный космический корабль, только что случайно приземлившийся на опушку. Он сияет в ночи. Я в жизни не видела таких красивых

строений. Когда Сюзанна заглушает мотор, моя первая мысль — из такого дома я бы никогда не сбежала.

Сюзанна отпирает входную дверь. Посреди комнаты лежит крупная немецкая овчарка, и, когда мы входим, она поднимает голову. Сюзанна с ней не здоровается. Она сразу проходит мимо, как будто собаки не существует. Собака, похоже, к этому привыкла: она встает, чтобы уйти с дороги. Я подхожу к ней и опускаюсь на колени погладить, а она стоит совершенно неподвижно. У нее красивые карие глаза. От них волнами исходит одиночество.

Значит, это собака Мэттью. На ошейнике ее имя: Хани*.

Почти все стены уставлены книгами. Перед огромным камином стоит стекло, и на нем гравировка «экожигатель». Он и дым сжигает, говорит Сюзанна.

Интересно, как это.

В шкафы, потолки и стены встроены крошечные лампочки, так что весь дом как будто мерцает.

Тут так красиво, говорю я Сюзанне, пока та раздевает Габриэля. Он уже проснулся и смотрит кругом, как совенок. Он машет рукой Хани, а она мрачно смотрит в ответ. Сюзанна указывает на дверь. Вон, говорит она, и Хани выходит из комнаты.

* На английском имя Хани (Honey) означает «милая».

Этот дом построил обанкротившийся архитектор, говорит Сюзанна. Правда, этот проект его прославил, теперь он построил для себя такой же, только больше. Называется Дом-короб.

Пока мы ходим по дому, я собираю кадры, как фотоаппарат. Я с трудом помню, как выглядит Мэттью, но тут нет ни одного снимка, чтобы освежить мою память. Ни с их свадьбы, ни с Мэттью и Габриэлем. Вообще ни одной его фотографии.

Чик.

В глаза бросаются другие детали: пара грязных сапог. Стопка счетов. Треснувшее окно. Закрытая дверь. Куча одежды. Скейтборд. Собака.
Чик-чик-чик.

Первое впечатление? В этом доме нет счастья.